

По воле судьбы сам Карлос в это время находился в комнате на склоне гор в штате Сара, закутавшись в одеяло, обняв грелку и глупо улыбаясь при просмотре абсолютно банальной мыльной оперы.

После той ночи, неясно по какой причине, Гаэр заметил, что взгляд, которым на него смотрит жилец их дома, внезапно стал каким-то... странным. Иногда он отвлекался посреди разговора или задумчиво смотрел ему в лицо, когда тот не обращал внимания, и иногда показывал жуткую... нежную улыбку.

Описать состояние Гаэра как "по коже пошли мурашки" было бы вопиющим преуменьшением.

Все признаки указывали на одно: этот пре-пре-пре-пре... пре-предшественник Жрец явно спёкся¹! Бредит от лихорадки \ получил солнечный удар

Изменения были настолько заметными, что даже Эван это почувствовал: голос Джона, когда он разговаривал с Гаэром, стал заметно мягче. Если раньше он выборочно слушал, что говорил Гаэр, если в настроении - слушал, если нет - пропускал мимо ушей, то теперь складывалось ощущение, будто каждое слово Гаэра записывалось у него в сердце с трепетной тщательностью, как нечто бесценное, что нельзя упустить ни в коем случае.

Однажды утром, когда Гаэр проснулся, он с ужасом обнаружил Джона стоящим на кухне и пытающимся приготовить ему завтрак!

Конечно... поскольку его вовремя остановили, у него не было времени взорвать кухню.

Гаэр не раз поддавался искушению задать ему этот ужасающий вопрос:

— У тебя... на мой счёт что-то намечается?

Но каждый раз, когда Джон смотрел на него своими тёмно-зелёными глазами, с той мягкостью, терпеливой заботой и... почти что любовью, как будто на домашнего котёнка, этот пугающий вопрос у Гаэра неизменно застревал где-то в горле и погибал, так и не родившись. В результате этот Охотник с золотым значком демонстрировал поразительную трусость и обращался в бегство

Однако был один-единственный раз, когда Джон сделал исключение. Гаэр тогда попытался завести разговор об архиепископе Альдо. Он ещё не успел как следует подступить к теме, как выражение жизнерадостного и энергичного мужчины вдруг изменилось, взгляд стал холодным как лёд, и он резко, предельно прямо оборвал Гаэра:

— Мы работали вместе какое-то время. Но я его ненавижу.

Затем, видимо, осознав, что был слишком резок, он немного смягчил выражение лица, бросив

короткий извиняющийся взгляд, и тоном убаюкивающего родителя добавил:

— Прости, это не к тебе. Я просто привык говорить правду. Ты... почувствовал себя неловко?

Кроме как покрыться мурашками, что мне, по-твоему, остаётся делать? — обречённо подумал Гаэр.

Каждый раз, когда Карлос смотрел на Гаэра, у него возникало непреодолимое желание протянуть руку и потрепать его по голове. Но стоило только попытаться поднять руку, как он с сожалением обнаруживал, что перед ним уже взрослый, здоровый мужик, и такие жесты больше неуместны. Тогда он опускал руку и впадал в уныние.

Я ведь пропустил всё детство и юность маленького Гаэра, — с тоской думал он. — Моргнуть не успел, а он уже вон какой взрослый.

И после этого Карлос впадал в депрессивное настроение, и слой темной обиды сгущалась над его головой.

Так бедный Гаэр наконец понял, что объединяет этих двух «великих» людей из одного времени — Они оба никогда не дают другим договорить!

К счастью, вскоре господин Гуд вызвал Золотого Охотника в Храм. Из-за проблем с защитным барьером их срочно отозвали готовиться к возможной тревоге. Отпуск Гаэра испарился, словно утренний туман унесённый ветром. Он застрял в Храме на добрых двадцать с лишним дней, тем самым избежав внимания со стороны жреца, который по непонятной причине вдруг начал проявлять к нему слишком уж живой интерес.

А ещё из-за этого Гаэру так и не удалось вернуться к теме «архиепископа Альдо».

Когда Гаэра наконец отпустили из Храма, и он заодно привёл целительницу Эйми для планового осмотра «неугомонного» жреца, в доме Шоудена снова воцарился настоящий хаос.

— Джон, — крикнул Гаэр вверх по лестнице, — через десять минут ко мне приедет мама с двумя моими племянниками. Я имею в виду... Архиепископ Гуд хочет, чтобы ты был осторожен. Помни, нельзя выдавать свою личность посторонним, иначе у тебя будут большие неприятности!

— Я знаю! — с грохотом отозвался сверху мистер Карлос, скрывающийся под именем Джон. Он взбешённо крикнул: — Уберите этого психа из моей комнаты! Чёрт побери, он пытается снять с меня штаны!

Эйми держала в руке гигантский шприц и была одета в медсестринское платье, неизвестно откуда ею добытое. Она выглядела, как рекламное лицо новой видеоигры «Медсестра-зомби»,

источала убийственный на десять шагов аромат и с кокетливой улыбкой хлопала ресницами:

— Ну же, детка...расслабься.

Карлос крепко сжимал ремень на своей талии, а пуговицы на рубашке, расстёгнутые при осмотре раны, он так и не застегнул. Теперь он стоял за спинкой стула, полураздетый, с видом, вызывающим недвусмысленные мысли, и с грозным выражением противостоял целительнице Эйми:

— Тебе лучше отказаться от этой идеи!

— Отказаться от твоей задницы? — Эйми приподняла безупречно выщипанную бровь. — О, нет, красавчик, это тебе лучше отказаться от этой идеи.

— Я никогда не слышал, чтобы где-то в мире кому-то требовалось зелье для удаления шрамов!
— голос Карлоса сорвался. — Шрамы - это ордена мужества! Почему я должен по-идиотски снимать штаны ради того, чтобы избавиться от них?!

Эти два парня вообще слышали, что я говорил?.. — Гаэр устало вздохнул, поднялся наверх и встал между ними. Карлос, воспользовавшись возможностью, с бешеной скоростью начал застёгивать рубашку, параллельно ругаясь себе под нос

— Эйми, насколько я помню, это зелье можно вводить и внутримышечно в плечо. Тебе совсем не обязательно загонять людей в угол только ради того, чтобы полюбоваться их задницей.

— А ты, Джон, давай, закатай рукав. Это всего лишь инъекция зелья для удаления шрамов, ничего страшного. Рана у тебя на груди особенная, и ты сам знаешь почему. Если не убрать шрам, в нём останется остаточное проклятие и оно будет медленно разъедать твоё тело!

Эйми:

— Хмф.

Гаэр бросил на неё предупреждающий взгляд:

— Если я расскажу Луи, что ты домогаешься раненого, он серьёзно задумается о моральных принципах всей команды целителей Храма.

Эйми была задета в самое больное место, и с досадой пожала плечами:

— Ладно, ты победил... Красавчик, закатывай рукав.

Карлос злобно посмотрел на него.

И тогда мистер няня Гаэр повернулся ко второму «ребёнку»:

— Джон, я же только что говорил...

Карлос бросил на него взгляд и, всё же с явным недовольством, закатал рукав:

— Только из-за тебя, — пробормотал он.

Эйми с хищной ухмылкой вогнала иглу. Это было очень больно. Лицо Карлоса побледнело, как мел, когда лекарство медленно проникло в мышцу. Почти мгновенно из области раны на груди и животе послышался шипящий звук, словно его кожу поливали кислотой. Ощущения были такие, будто его заживо жарили на сковородке. Эйми же, совершенно равнодушно, прокомментировала:

— Не чесаться, не трогать, терпеть десять минут. Гаэр, держи его.

— Не надо, не трогай, я выдержу, — Карлос притянул стул и с неестественной скованностью сел. Сквозь боль он всё же попытался улыбнуться Гаэру. — Я в порядке.

— Оу, — Эйми, убирая инструменты, с неожиданным интересом посмотрела на них обоих:

— А вы когда успели сойтись? И кто сверху?

— Ты... самый чертовски безумный целитель из всех, кого я когда-либо встречал... — Карлос произнёс глухо, словно сдерживая гнев, выговаривая каждое слово по слогам.

— Для меня большая честь, — Эйми послала ему воздушный поцелуй.

Карлос поднял голову и холодно усмехнулся, добавляя недосказанное:

— ...мистер Берг

Движения Эйми тут же остановились, и она без всякого выражения повернулась :

— Так значит, ты хочешь ещё один укол, Джонни?

Гаэр схватился за лоб:

— Ради всего святого, прошу вас обоих, хоть раз ради Храма!

В этот момент раздался дверной звонок. Внизу Эван открыл дверь и слышались приглушённые голоса. Гаэр расплылся в искренней улыбке, быстро развернулся и вышел из комнаты Джона, разговаривая на ходу:

— Позвольте представить: моя мама, а эти два маленьких ангела — дети моего брата, Майк и Лили.

Он стремительно сбежал вниз по лестнице и крепко обнял элегантную даму:

— Мама, я так скучал по вам!

Карлос же остолбенело стоял на месте, уставившись на госпожу Шоуден — маму Гаэра.

— Что случилось? — спросила Эйми.

— Это... мисс Фларете? — растерянно пробормотал Карлос .

Эйми пожала плечами:

— Сорок лет назад - да. Сейчас, боюсь, она зовётся миссис Шоуден.

Карлос словно не услышав, пробормотал себе под нос:

— Она... такая красивая.

Эйми тут же отшатнулась в ужасе:

— Что?!

— Она действительно красивая, — на лице Карлоса расплылось мечтательное выражение, и он повторил это снова.

— С позволения сказать, — сказала Эйми, — вы немного не подходите друг другу по возрасту, и, боюсь, она уже замужем... У тебя нет шансов, бедный Джонни.

Но Карлос ничего не слышал. С изысканной, даже чересчур театральной грацией он сошёл вниз по лестнице, приблизился к госпоже Шоуден, глубоко посмотрел ей в глаза своими чарующими глазами, взял её руку в свои ладони, словно драгоценность и тихо спросил:

— Разрешите, мадам?

— О... — Шоуден, хоть в юности и была признанной красавицей, давно не слышала таких речей. Немного опешив, она с доброй улыбкой ответила: — Конечно, прекрасный юноша.

Карлос склонился и поцеловал ей руку. В тот же момент, как по волшебству, из-за его спины появилась алая роза:

— Меня зовут Джон. Джон Смит. Ваша красота затмевает собой цветы, мадам.

Госпожа Шоуден, очевидно, была развеселена. Она с радостью приняла розу из рук Карлоса, встала на носочки и, пока он ещё не выпрямился после поклона, поцеловала его в лоб:

— Ты, пожалуй, самый очаровательный молодой человек из всех, кого я встречала. Если бы Гаэр был хоть в половину такой милый, как ты, у него уже давно была бы куча невест.

Эван, наблюдая за тем, как Карлос внезапно превратился в какого-то принца из средневековой сказки, растерянно почесал затылок и спросил Эйми:

— Что с ним случилось?

— Влюбился в маму Гаэра, — кратко резюмировала Эйми. — Всё, закрой рот, глупый ребенок, туда уже можно утиное яйцо засунуть.

Четырёхлетняя племянница Гаэра, Лили, грызла пальчик и пристально смотрела на цветок в руке бабушки.

Карлос подмигнул ей, мягко провёл пальцами по её нежным косичкам, и на их кончиках тут же закрутились тонкие зелёные лозы, на которых одна за другой распустились крохотные белые цветочки.

Лили изумлённо распахнула глаза:

— Джон, а ты тоже волшебник, как дядя Гаэр?

Карлос рассмеялся:

— Нет, я рыцарь, который служит исключительно прекрасным дамам.

Эйми почесала подбородок и вполголоса прокомментировала:

— Знаешь, глупыш Эван, у великих людей всегда найдётся какая-нибудь странная причуда. Вот, например, этот, по-моему, интересуется слишком взрослыми milfsами, а “лоли” для него слишком малы.

Гаэр наступил ему на ногу и мрачно процедил:

— Заткнитесь, мистер Берг

<http://bllate.org/book/14761/1317205>